

"Возможно, когда я снова увижу Арию, она будет гордиться мной", - грустно замечает его птичка, а он лишь хмыкает. Сестру никто не видел с тех пор, как арестовали Неда Старка, и жива она или мертва, он сказать не может.

Когда они находятся в пути уже более двух недель, медленно, но верно продвигаясь вперед, он решает, что настало время научить ее защищаться.

Он учит ее, как лучше всего ударить человека - пнуть его или ударить ножом. Он учит ее, как избегать ударов или ослаблять их, как выходить из захвата. Она мягко и тепло прижимается к нему, пока он демонстрирует, а он проклинает себя за глупость. Ему хочется держать ее крепче, дольше. Ему хочется, чтобы она пнула его по яйцам, чтобы он начал думать головой.

Она уже наполовину боготворит его как своего спасителя, и он знает, что с помощью красивых слов сможет легко убедить ее, что благодарность, которую она испытывает, - это действительно любовь. Он мог бы увезти ее далеко отсюда, туда, где ее семья никогда не найдет ее, и уберечь от всего и всех.

Кроме себя.

Когда он решает, что она готова, он отдает ей свой кинжал и наблюдает, как она вынимает его из ножен, ее глаза полны удивления и страха, а на губах звучит благодарность.

Ее выражение лица становится печальным, когда она рассматривает нож в своих руках.

"Один человек пытался убить моего младшего брата кинжалом, - шепчет она, - если бы рядом не было моей матери и лютоволка Брана, он был бы уже мертв".

Он понимает, что она не знает, что никто не рассказал ей о смерти ее младших братьев. Это неудивительно: в том хаосе, который царил в Королевской Гавани последние недели, он сомневается, что королева считала это достаточно важным.

Он мог бы позволить ей продолжать верить в то, что они живы и находятся в безопасности. Было бы любезно скрыть это до тех пор, пока она не окажется рядом с матерью, которая лучше всех знает, как сообщить новость.

Но за эти годы у него было так мало практики в проявлении доброты, что все, о чем он может думать, - это то, что лучше бы она знала. Лучше, чтобы она знала, что нужно горевать и покончить с этим.

Поэтому он говорит ей, колеблясь над словами, стараясь быть мягким, хотя понятия не имеет, как это сделать.

"Оба твоих младших брата мертвы, птичка, - говорит он ей, - Теон Грейджой взял Винтерфелл

для своего отца и убил их, когда они попытались сбежать. Затем он сжег замок дотла".

Нож выскальзывает из ее пальцев, и он видит, как на одном из них появляется красное пятно, но она не замечает этого. Она в ужасе смотрит на него, качая головой: нет, нет, это невозможно. Она пытается отвернуться, чтобы не видеть правды в его глазах.

Он протягивает руку и берет ее за подбородок, поворачивает ее так, чтобы она смотрела на него, и она должна принять это. Кивает ей, кладет другую руку на ее плечо, чтобы сжать его. "Мне очень жаль", - говорит он ей так мягко, как только умеет.

Она испускает вопль страдания и прижимается к его груди, всхлипывая, ее руки сжимают его тунику.

Ему следовало бы подождать, позволить матери рассказать ей; но это было бы ложной добротой по отношению к ней, лишь отсрочившей горе.

Он не знает, как утешить ее, - в его жизни было недостаточно утешений, чтобы научиться этому.

Слова утешения были бы ложными, поэтому он их не произносит, но кладет одну руку ей на спину, чтобы прижать к себе, а другую - на волосы, которые медленно поглаживает. Кажется, он вспомнил, что однажды так поступила его мать, когда он плакал от жестокости Грегора.

Через некоторое время она затихает и отстраняется, все еще слегка пофыркивая. Она достает платок, чтобы вытереть глаза, а затем поворачивается к нему и смотрит на него с таким горем, что оно могло бы разбить ему сердце, если бы оно у него было.

"Как он мог это сделать?" - спрашивает она, ее голос срывается, - "Теон... Он вырос с нами, к нему относились как к одному из нас. Робб любил его как брата... Он был почти братом".

На мгновение он замирает.

"Будь благодарна за то, что он был почти братом". Сандор говорит ей, более жестко, чем намеревался. "Есть те, кто поступал со своей кровью и похуже".

Ее глаза мерцают, и он понимает, что она понимает, знает, что он говорит о Грегоре.

Он слышал, что мальчик Грейджой сжег ее братьев, хотя никогда не скажет ей об этом. Он думает, что однажды, возможно, ему представится возможность заставить эту маленькую дрянь заплатить за это. Возможно, Теон Грейджой тоже сгорит до конца. Он не может вернуть ее братьев, но он может сделать для нее очень многое.

Она кивает и делает глубокий вдох, затем наклоняется, чтобы подобрать оброненный нож.

Когда она снова встает, то смотрит на него с чем-то большим, чем просто понимание, с чем-то, приближающимся к родству.

Ему хочется, чтобы она этого не делала.

"Я отвезу тебя в Риверран, птичка. Там твоя мать и твой брат. С ними ты будешь в безопасности".

С тех пор как он сказал ей об этом, она стала еще тише и выполняет задания с такой самоотдачей, какой он раньше за ней не замечал. В ней есть тихая ярость, о которой он всегда подозревал, - она похоронена глубоко под всеми ее любезностями.

По ночам он иногда слышит ее плач, когда она лежит на боку лицом к нему, но не идет утешать ее.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/114878/4454275>